

Научная статья

УДК 821.161.1+82.0

DOI 10.17223/18137083/86/5

**Повесть Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса»
в контексте философско-эстетической борьбы 1860-х годов**

Алексей Евгеньевич Козлов

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

На материале аллегорической (фантастической) повести «Граждане леса» рассматриваются вопросы синтеза сюжетов и мотивов в русской беллетристике. Автор произведения Н. Д. Ахшарумов полемизирует со своими современниками на страницах повести.

В статье с опорой на сюжетологический метод показаны некоторые «силовые линии» интертекста, среди которых художественная литература («Что делать?», «Преступление и наказание», «Подлиповцы», «Песнь о Гайавате»), научные трактаты (Ж.-Л. Бюффон, Ш. Фурье, Ч. Дарвин, В. Вундт) и научно-популярные компиляции (А. Брем, М. Петри), а также средневековые сюжеты романа о лисе, адаптированные для читателя Нового времени И. В. Гёте.

Отдельное внимание уделяется мифопоэтическому анализу: ветхозаветным аллюзиям повести, вмещающим в себя и космогонические сюжеты о созидании некоторой цивилизации, и эсхатологические, в центре которых гибель гражданского общества.

Ключевые слова

русская литература XIX века, Ахшарумов, Достоевский, Всемирный труд, повести о лисе, антиутопия, вторичность и альтернативность

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации гранта № 23-78-01115 Российского научного фонда

Для цитирования

Козлов А. Е. Повесть Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса» в контексте философско-эстетической борьбы 1860-х годов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 67–81. DOI 10.17223/18137083/86/5

© Козлов А. Е., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 67–81
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 67–81

**“Grazhdane lesa” (“Citizens of the forest”)
by Nikolay Akhsharumov in the context of the philosophical
and aesthetic struggle of the 1860s**

Alexey E. Kozlov

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

The paper addresses the issues of plot and motif synthesis in Russian fiction by analyzing the allegorical (fantastic) novel “Grazhdane lesa” (“Citizens of the Forest”) by Nikolay Akhsharumov. Throughout the pages of the story, Akhsharumov engages in polemics with renowned writers of his era, including Leo Tolstoy, Fedor Dostoevsky, and Nikolay Chernyshevsky. Some levels of the intertext have been revealed and are discussed in the paper. The examples include modern literature works, scientific treatises, and popular science compilations. The focus is also on the medieval plots of the novel about the fox adapted for the New Age reader by I. V. Goethe in his “Reineke Fuchs” (“Reynard the Fox”) translated into Russian by Mikhail Dostoevsky in 1848. Starting from generalized, stereotyped ideas about Siberia and the Far East, Akhsharumov ignores the rich ethnographic tradition. He creates a dystopia, the central conflict of which is between Lazarus, the symbol of enlightenment and liberal democracy, and the animal world. Special attention is paid to the Old Testament allusions, for the mythopoeics of the novel delves into both the cosmogony plots about the creation of a specific civilization and the eschatological plots centered on the death of a civil society. Akhsharumov considers this motif to be crucial, especially since he was once closely associated with the Petrashevsky circle. Finally, the novel is examined from the point of view of literary failure. In particular, a conclusion is drawn that the synthesis of the contexts under consideration was not organic, resulting in a weightier and unacceptable piece of work for contemporaries.

Keywords

Russian literature of the 19th century, Akhsharumov, Dostoevsky, Vsemirnyy trud, novels about the fox, dystopia, recurrence and alternativity

Acknowledgments

The research was funded by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 23-78-01115

For citation

Kozlov A. E. “Grazhdane lesa” (“Citizens of the forest”) by Nikolay Akhsharumov in the context of the philosophical and aesthetic struggle of the 1860s. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 67–81. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/5

Повесть Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса», названная в первой редакции сказкой, была опубликована в 1867 г. в журнале «Всемирный труд» (№ 4–6). Представляя собой бестиарную дистопию [Русские утопии, 1995; Русский проект..., 2014, Философский век, 2000], произведение демонстрировало несостоятельность проектов по исправлению мира: бывший каторжник и золотоискатель Лазарь¹, овладев животным языком по методу Робертсона, пытается создать

¹ При вероятной отсылке к сюжету «Преступления и наказания» (романа, который Н. Д. Ахшарумов высоко оценил в критическом отзыве для журнала «Всемирный труд»)

коммуны из лесных зверей, но погибает, будучи не в силах побороть животные инстинкты «граждан». Идейным оппонентом Лазаря выступает хитрый и предприимчивый лис Модест Елисеич², сначала прилежно изучающий основы нового общежития, а потом предающий своего восторженного учителя.

Литературным событием повесть, диссонирующая с традиционным сюжетным репертуаром русской журнальной беллетристики, не стала, отзывов практически не вызвала. Согласно воспоминаниям В. П. Авенариуса, достоверность которых невозможно проверить, о повести комплиментарно отзывался «записной» критик журнала Н. И. Соловьев. Убежденный почвенник, начинавший свой путь в «Эпохе» и «Отечественных записках», Соловьев использовал «достоевское» слово для характеристики «Граждан леса»: он назвал их «капитальнейшей вещью» глубоко социального значения³. Менее снисходительным был А. С. Суворин. Давая краткий очерк литературно-критической деятельности Ахшарумова (неоднократно вызывавшей недоуменные вопросы современников), критик писал:

Скажем еще раз: критика становится в тупик перед таким произведением, как «Жители⁴ леса». Что это такое? Сатира на кабинетные утопии Лазаря, лишённые практичности, или вообще на государственное устройство, так как в конце концов община все-таки распадается, несмотря на совершенно уже практическое управление Елисеича? Сатира на суеверие, так как поклонение «великой мухе» изображено в самом карикатурном виде, или вообще отрицание необходимости каких бы то ни было религиозных верований для народа, так как никакой другой религии, кроме этого поклонения великой мухе, в лазаревой общине не было, и так как это поклонение умышленно противопоставлено рациональному устройству общины? Думал ли автор представить в лице Елисеича какого-нибудь известного политического интригана⁵, или должны мы верить автору, что он и впрямь просто захотел потешить читателей сказочкой, вдохновившись помещенным в том же журнале книжки журнала трактатом об умственной жизни животных⁶? Но этот трактат – серьезный трактат...⁷

В литературоведении традиционно обращалось внимание на полемику Н. Д. Ахшарумова с современниками: Н. Г. Чернышевским и Ф. М. Достоевским. И утопический фаланстер, реализованный в «Четвертом сне Веры Павловны»,

имя героя может быть связано и с поэмой О. Барбье «Лазарь», читаемой и обсуждаемой петрашевцами. «Граждан леса» сближает с текстом Барбье скептический взгляд на цивилизацию и отрицание гуманизма как универсальной и безусловной ценности.

² Выбор номинации в данном случае заставляет вспомнить упомянутого в романе «Отцы и дети» критика демократического издания: «Ах, какую удивительную статью по этому поводу написал Елисеич! Это гениальный господин!» (Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 7. С. 162). Обычно не вступавший в литературную полемику Ахшарумов мог в данном случае отомстить своему оппоненту Г. З. Елисееву за резкую рецензию (см. ниже).

³ Авенариус В. П. Вечер в редакции // Литературный факт. 2024. № 1.

⁴ Надо – «Граждане леса».

⁵ Здесь могут быть разнообразными прототипы: от упомянутого Г. З. Елисеева до М. В. Буташевича-Петрашевского. Петрашевский ушел из жизни в 1866 г., в 1867-м о его смерти стало известно в Петербурге.

⁶ В журнале «Всемирный труд» публиковалась статья М. Петри «Умственная жизнь животных» (1867. № 6).

⁷ [Суворин А. С.] Библиография и журналистика // Голос. 1867. № 177. С. 1.

и откровение, явленное Раскольникову в Сибири, в равной мере вызывали скепсис автора [Володина, Сумарокова, 2015; Рейтблат, 2020; Козлов, 2021]. О Чернышевском он, в частности, писал: «Явился роман “Что делать?” в котором всё было сказано сразу, без оговорок, в один прием, и все вопросы, смущавшие человечество в течение долгих веков, решены окончательно»⁸. Далее критик демонстрировал утопичность и иллюзорность такого представления. Отметим, что и художественные произведения Ахшарумова – роман «Мудреное дело», опубликованный в журнале «Эпоха», и повесть «Натурщица» – представляют своего рода антидот утопическим проектам современника⁹.

Более продолжительна и насыщена история соперничества Ахшарумова и Достоевского. Еще в 1850 г. Ахшарумов опубликовал в «Отечественных записках» повесть «Двойник», которая вызвала едкую оценку современников, назвавших автора «Двойником господина Двойникова»¹⁰. В дальнейшем критики неоднократно проводили параллели между произведениями Ахшарумова и Достоевского, отдавая пальму первенства последнему [Martinsen, Maiorova, 2016]. Так, в частности, Н. А. Добролюбов и А. А. Григорьев сравнивали «Униженных и оскорбленных» с романом Ахшарумова «Чужое имя», а Г. З. Елисеев назвал сюжет «Натурщицы» *добродушной, безобидной, веселой, игривой чепухой и галиматией*, противопоставив ей *чепуху и галиматю кроважадную*, якобы представленную романом «Преступление и наказание»¹¹. В 1867 г. сам Ахшарумов отозвался на роман Достоевского критической статьей (Всемирный труд. 1867. № 3), в которой признался в сильном произведенном на него эстетическом впечатлении. Пытаясь спорить и полемизировать с Достоевским, критик счел антропологически недостоверными его главных героев и неубедительным аллегорический финал произведения [Володина, Сумарокова, 2015]. Логично предположить, что публикуемая в следующем номере сказка, или аллегорическая повесть, стала своеобразной попыткой вступить в диалог и дискуссию уже не на идеологическом, а на эстетическом уровне. В «Гражданах леса», как отмечалось исследователями, совпадают и место действия: *Сибирь* (у Ахшарумова – Дальний Восток, о котором он не имел сколько-нибудь точных представлений); и социальная функция героя: *ссылный*; и притчевый сюжет: *века Авраама и стад его*. Симптоматичны и имя героя – *Лазарь*, и его портрет, в котором угадываются черты Родиона Раскольникова.

⁸ Ахшарумов Н. Меж двух огней, роман в 3-х частях М. В. Авдеева // Всемирный труд. 1869. № 1. С. 35.

⁹ В повести «Натурщица» Ахшарумов вводит в повествование пылкий монолог современной неким писателем женщины:

– Палач! – отвечала она. – Делай со мной, что хочешь, только не думай, что тебе это даром пройдет! Я найду судей, которые нас рассудят... Я выставлю, опозорю тебя... Я поташу тебя туда, куда ты меня толкаешь!..

– Куда же это?

– На площадь! На эшафот! К столбу позорному... Куда поведут жену, уморившую мужа, мать, погубившую детей, туда за нею и ты пойдешь.

(Ахшарумов Н. Натурщица. Юридическая фикция // Отечественные записки. 1866. Т. 164. С. 570).

В этих словах отчетливо прочитывается охранительная тенденция.

¹⁰ [Некрасов Н. А.] От редакции «Современника». Литературные объяснения // Современник. 1850. № 11. С. 100.

¹¹ [Елисеев Г. З.] Русская литература. Журналистика // Современник. 1866. № 2. С. 43.

Ахшарумов о Раскольникове	Описание героя повести
<p>Голодная мысль набросилась на этот отвратительный кусок пищи с неудержимой жадностью, и, несмотря на то, что его при этом почти непрерывно тошнило, он дал ей полную волю. Что за беда? Ведь это не дело ещё, это только простой расчёт и прикидка, не обязывающие его ни к чему [Ахшарумов, 2019, с. 148].</p>	<p>Голодная мысль, хватаясь за всё, что попало, часто, назло его воле, упорно работала над такими вопросами, которые при другой обстановке, вероятно, и в голову не пришли бы... (№ 6, с. 3)¹².</p>

В своем произведении Ахшарумов задается вопросом, созвучным тому, что был сформулирован в первой части романа Достоевского: «Разве породы не изменяются под влиянием обстоятельств?» (№ 5, с. 13). Однако мир людей, где герой был некогда оскорблен и унижен, практически не становится сюжетным пространством, вместо него на первый план выдвинут бестиарий. Конфигурации этого мира и его тотальная антропологическая недостоверность заставляют добавить к названным контекстам «Подлиповцев» Ф. М. Решетникова. Смешение животных инстинктов и простейших ментальных операций, продемонстрированные Решетниковым, и сама «плохопись» как стихийный реалистический метод [Созина, 2009] отразились и на обрисовке характеров, и на стилистике повести Ахшарумова, которая значительно отличается от иных текстов писателя тотальным «небрежением» литературным словом [Лихачев, 1984]. С прозой Решетникова «Гражданин леса» сближает и социальная проблематика: «неведомый» мир русского крестьянства по басенной логике отражается в мире животного социума [Вдовин, 2016].

Отдельного внимания поэтому заслуживают бестиарные контексты произведения, реконструкция которых осложняется «бродячим» характером рассматриваемых сюжетов. Тем не менее методологически целесообразно дифференцировать научную и научно-популярную литературу, на которую опирался писатель в своем произведении. Один из таких источников назван Сувориным: это статья М. Петри «Умственная жизнь животных», представляющая собой компиляцию «Происхождения видов» Ч. Дарвина, «Начал общей психологии» Г. Спенсера и «Общей психологии» В. Вундта. Спенсер и Дарвин оказали решающее влияние на Ахшарумова в 1860-е гг., определив эклектический синтез его романтических и реалистических позиций. Предлагаемый учеными эволюционизм, понимаемый как «новый пантеизм», открывал принципиально новые возможности для художественных экспериментов [Русский реализм..., 2020]. Трактат В. Вундта «Душа человека и животных», поставивший теоретический вопрос об обучении животных человеческому языку и аргументировавший невозможность такого рода обучения, входил в круг чтения и конспектирования Ахшарумова¹³. Другие прецедентные тексты, переведенные Н. Н. Страховым, – «Жизнь птиц» и «Жизнь

¹² Здесь и далее повесть «Гражданин леса» цитируется по журналу «Всемирный труд» с указанием номера тома и страницы в круглых скобках.

¹³ В черновых записях «О представительном смысле имени» Ахшарумов дает подробное изложение трактата В. Вундта – «восходящей звезды психологической науки» [Зорин, 2019].

животных» А. Брема – также пристально изучались Ахшарумовым, о чем свидетельствует Е. И. Жуковская¹⁴.

Разумеется, «Жизнь животных» восходит к «Естественной истории» Ж.-Л. Бюффона, одной из движущих идей которой становится борьба всех органических видов за власть и ресурсы. Свою обработку этот сюжет получил в трактате Ш. Фурье «Новый промышленный и общественный мир», где разные социальные сословия и классы были показаны в виде представителей фауны – хищников, травоядных, рыб. Как известно, трактаты Фурье входили в круг чтения петрашевцев, к которым в 1840-е гг. были близки и Ахшарумов, и Достоевский [Riasanovsky, 1953; Martinsen, Maiorova, 2016].

Наконец, говоря о французских контекстах, отметим значение бестиария для так называемой буржуазной, или массовой, культуры. Как показывает В. А. Мильчина, «Частная и общественная жизнь животных», объединившая О. Бальзака, Жорж Санд, А. де Мюссе, Ж. Жанена и П.-Ж. Этцеля, разошлась значительным тиражом [Мильчина, 2015]. Это свидетельствует об определенном спросе на такой тип аллегории, сформировавшемся к тому моменту в обществе. Хрестоматийно известное посвящение, избранное Бальзаком в предисловии к его «Человеческой комедии», позволяет сделать вывод о том, что естественнонаучное знание обретает популярность и становится одним из модных направлений интеллектуальной мысли и социальной философии в середине XIX в.

Однако логика творчества Ахшарумова предполагает соединение отстоящих друг от друга контекстов. В использовании фигуры лиса Елисеича современники справедливо усматривали вариацию на тему распространенного в западноевропейской литературе романа о лисе¹⁵. По замечанию А. Д. Михайлова, авторский сюжет Пьера де Сен-Клу становится бродячим, определяя существование ветвей и подступов – многочисленных изводов исходного произведения. Культурологический статус этого произведения определяется комической пародийной параллелью [Даркевич, 1992] к рыцарскому роману: «Участниками их оказываются не люди, а звери, и ведут они себя не как утонченно-куртуазные рыцари и их дамы, а как отъявленные пройдохи и мошенники или как глуповатые простаки, нередко грубые и жестокие. Тем самым «Роман о Лисе» примыкает к сатирическим жанрам средневековой литературы: если с басенной традицией у него много точек соприкосновения генетически, то к жанру фаблю (небольшие сатирические и нравоучительные стихотворные повести с острым сюжетом и подчас неожиданной развязкой) он близок выбором персонажей, их трактовкой, теми комическими ситуациями, в которые эти персонажи попадают, вообще особенностями мироощущения и способами изображения действительности» [Михайлов, 1987, с. 15]. Лис-трикстер Ренар (Renart / Reineke), являясь протагонистом, как правило, олицетворяет смеховую освободительную силу, в то время как его антагонист – хищный и превосходящий его по силе волк Изенгрим (Ysengrimus / Ysengrin) – выступает защитником ценностей, традиционных для рыцарского романа. Часто этот конфликт обрамлен вмешательством глупого короля Нобля (Noble). В большинстве существующих изводов Лис становится фаворитом Нобля и вступает в поединок с Изенгримом, которого побеждает. Унижение соперника, восходя к ми-

¹⁴ Жуковская Е. Из записок шестидесятницы // Звенья. М.; Л., 1932.

¹⁵ См.: Роман о Лисе / Пер. со старофранцузского, сост. А. Г. Наймана; предисл. и коммент. А. Д. Михайлова. М.: Наука, 1987; Рейнеке-лис: Поэма XV века / Пер. с нем. Л. Гинзбурга. Л.; М.: Худож. лит., 1978.

Тожественными оказываются эпизоды, связанные с судилищем и приговором, а также финальное возвышение Лиса, произошедшее у Ахшарумова вопреки логике исходного текста.

«Рейнеке-Лис» (в переводе М. М. Достоевского)	«Граждане леса»
<p>«И отныне, как канцлер всего королевства, Будете действовать вы во имя мое. Передастся Наша печать в ваши руки, и все, что ни станете делать, Что ни напишете вы, останется ненарушимо». Так-то Рейнеке-Лис достиг высокого чина, Славы, богатства и силы, и все его повеленья, Все советы, ко злу ли, к добру ль, исполняются свято¹⁸.</p>	<p>Управа и дума исчезли немедленно и бесследно. Их заменило одно лицо, которое ни у кого не спрашивало совета и никому не давало отчета в своем управлении. Лицо это было, конечно, не кто иной, как старший шаман и некогда голова – Модест Елисеич Лис. Ему удалось, как редко кому удастся на свете. Рискуя своей головой не раз, он счастливо миновал все опасности, умом и терпением одолел все бесчисленные препятствия, лежавшего у него на пути, и, наконец, говоря поэтическим языком, опочил на лаврах (№ 6, с. 325).</p>

При этом ключевые сюжетные функции меняются. В «Гражданах леса» подлинным протагонистом оказывается Лазарь, мифопоэтически соединяющий в себе функции главных Ветхозаветных патриархов: *Адама* (дающего язык всему живому и тварному миру), *Ноя* (принимającego всех в свой ковчег, спасающий скотов от цивилизации), *Моисея* (дарующего закон и Второзаконие). Знаменательно, что функции Новозаветного Лазаря при этом не актуализированы: герой обречен на гибель без воскресения. Антагонистом Лазаря выступает Лис, в действиях которого отражается мифопоэтика чужого, враждебного. Он выступает в роли *Сатаны*, *искусителя* (приближая Лазаря и его общину к катастрофе и гибели) и *предателя*, или *Иуды* (определяя гибель своего учителя).

В отличие от сюжета Гёте Лис у Ахшарумова борется не с вегетарианством, а с социальным порядком как таковым. Лазарь и Лис состязаются за право первенства в гражданском обществе. Олицетворяющие два альтернативных политических устройства – либерально-демократическое и, соответственно, деспотически-монархическое, – эти герои в равной мере далеки от идеала рационального правления.

Желающий превратить *скотов* в *граждан* Лазарь предстает своеобразным преступником, отвергающим логику законов природы (понимаемых вслед за Бюффеном, Дарвином и Фурье), в то время как его оппонент, невзирая на свою хитрость, напротив, чутко воспринимает подлинные потребности своих соплеменников. Глядя на животный мир, Лазарь со скорбью убеждается в том, что «... все помыслы и стремления его постояльцев ограничены узкою рамкою личной нужды и домашних забот» (№ 5, с. 24). В то же время создаваемая им *рамка гражданственности* оказывается лишь «...гнилой изгородью, сколоченной теми же старыми ржавыми гвоздями» (№ 5, с. 25). Как мы писали ранее, герой Ахшарумо-

¹⁸ Достоевский М. Рейнеке-Лис. Из Гёте. С. 97.

ва проходит обратный Раскольникову путь – от веры в гармонию и совершенство природы (или человечности) к трагическому осознанию своего одиночества, отторженности от мира [Козлов, 2021].

Отдельного внимания заслуживает выбор сюжетного пространства. На первый взгляд этот выбор обусловлен исключительно полемическими задачами, связанными с эпилогом романа Достоевского. Не имея сколько-нибудь системных представлений об этнографии и Сибири и Дальнего Востока, Ахшарумов, как и многие его современники, руководствовался стереотипами [Сибирь..., 2003; Сибирский текст..., 2014; Шатин, 2016]. Отсюда статус действующих лиц – золотоискателей и каторжников, специфика имен: *Якут*, *Варнак* и *Богдан*, изображение тайги как пространства инобытия и вечного холода [Тюпа, 2002]. При всей декоративности такого пространства нельзя не отметить один специфический ход: в кульминации произведения Ахшарумов наделяет Лиса функциями шамана. Эта роль актуализируется на фоне эсхатологического Ветхозаветного сюжета, связанного с появлением мух (вариация на тему Казней Египетских).

В болотистых низменных местностях леса народилось такое количество злых, ядовитых мух, какого никто не помнил. Невыносимые муки начал терпеть от них бедный народ. <...> Болезнь оставила за собой другой, не менее тяжкий бич, порожденный ею, который грозил совершенно иными опасностями. Это были последствия страха и всегда сопряженного с ним суеверия... В общине появились знахари, колдуны, распространители разных нелепых слухов и предсказатели будущего (№ 6, с. 16).

Следует оговориться, что представление о шаманах носило в русской художественной литературе и этнографии тенденциозный характер. Восходя к драматургии Екатерины II («Сибирский шаман») и Г. Р. Державина (опера «Рудокопы»), закрепилось представление о корыстном умысле шамана или же сравнение шаманов с юродивыми, одержимыми. Так, например, в комедии Екатерины II (якобы опиравшейся на энциклопедическую статью в «Theosophes») имя шамана Амбан Лай содержит в себе прозрачный намек на его деятельность (т. е. обман). В финале комедии это проговаривается прямо.

Бобин. Возвратимся в Сибирь, и будем жить спокойно.

Устинья Машкина. Если б шамана не взяли под караул, то б спросила, где-то мой суженый?

Бобина. Поезжайте с нами, в Сибири шаманов еще много осталось.

Брагин. Незачем выписывать из-за моря.

Кромов. По-видимому, этого товару везде сыскать можно. Жаль только, что у подобных мудрецов, буде обман не явен в деле, то, по крайней мере, в мыслях или за пазухою¹⁹.

Вариант юродства реализован в балете, включенном в состав оперы Державина (где упоминается земский комиссар Хитролис). Знаменательно, что в этой театральной фантазии шаманы, указывающие россам на богатства, хранящиеся в недрах, поставлены в один ряд с мифологическими существами – гномами:

Шаманы просят позволить прийти к ним для отыскания их богатств Россиянам. Гномы не соглашаются. Шаманы падают на колени и простирают с благоговением руки свои к Сибири. Она помавает скипетром. Гно-

¹⁹ *Екатерина II. Сибирский шаман // Екатерина II. Избранное. М., 1889.*

мы ударяют с шаманами по рукам и убегают в свои пещеры. Является Россиянин и играет на свирели. Шаманы со вниманием его слушают; а, увидя, что на глас его собираются соболи и прыгают по деревьям, сходятся лешие и русалки, а потом и разных племен сибирские народы, одетые в различные платья, как то: иные в листья, другие в перья, кору, рыбы и оленье кожи и т. п., и уходят на горы, и дают жезлами своими гномам знать, чтоб они вышли из пещер и отдали Русским их богатства²⁰.

Значительный корпус текстов о шаманах составляют и русские травелоги [Русский травелог, 2018]. Рассказывая о забайкальских тунгусах на страницах «Сибирского вестника», издаваемого Г. И. Спасским, автор очерка пишет о том, что шаман «показывает себя помешанным в уме, уязвленным и боязливым»²¹. Описывая самоедские и остяцкие племена, И. И. Завалишин в своих воспоминаниях о Сибири, с одной стороны, отмечает аскетизм шаманов, сближающих их с подвижниками, с другой же – пишет о варварских обычаях, среди которых камлания и жертвоприношения²². *Замечательным психологическим явлением*²³ назвал шаманизм Фердинанд фон Врангель.

На какой источник опирался Ахшарумов, доподлинно неизвестно (важно отметить, что сюжет, в котором действуют король и лисица, не был свойственен для русской литературы и тем более для сибирского фольклора). Выступая с заведомо архаических позиций, он пишет о Лисе как об обманщике.

Первое место между шаманами занял наш старый знакомый Модест Елисеич. Он был один из немногих, имевших врожденное и сознательное призвание к этому рода публичной деятельности. В неясных чертах, но, тем не менее, в привлекательных красках она мерещилась ему уже давно как самый верный и независимый путь к той цели, которую он задал себе немедленно после первой встречи с Лазарем (№ 6, с. 36).

Ахшарумов, внимательно читавший работы А. Н. Афанасьева и А. Н. Веселовского, обращается к своему рода архетипам, среди которых главенствующее место занимает страх. Ведомые Лисом животные начинают поклоняться олицетворенному тотему Великой мухи (своего рода, золотому тельцу) и приносить жертвоприношения: «Жертву растягивали на камне, и Лис, торжественно наклонясь над нею, перекусывал ей становую жилу» (№ 6, с. 40).

Влия на своих сограждан через предрассудки и язычество, Лис побеждает: демократия терпит поражение и уступает олигократии (Елисеичу и его приспешникам). Смерть Лазаря, которой заканчивается произведение, представляет в этой перспективе своеобразный приговор социальным проектам – от фаланстера Фурье и «хрустальных дворцов» Н. Г. Чернышевского до почвенничества 1860-х гг. Вместо *племен Авраамлевых*, открывшихся взору Раскольникова – какие-то «не люди и не звери», «один в рогах с собачьей мордой, Другой с петушьей головой».

²⁰ Державин Г. Р. Рудокобы // Державин Г. Р. Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1867. Т. 4.

²¹ Изображение обитателей Сибири (забайкальские тунгусцы) // Сибирский вестник. 1822. Ч. 12.

²² Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. М., 1862.

²³ Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда Фон-Врангеля. СПб., 1841. С. 348.

Меня таким образом антропологию сюжета, Ахшарумов наделяет его качественно иным идеологическим содержанием, в большей мере соответствующим «Левиафану» Т. Гоббса. Только в одном Ахшарумов соглашается с Достоевским: для переустройства общества «...нужно кое-что повыше скотского разумения. Нужна любовь и нужно самопожертвование»²⁴ (№ 6, с. 72).

Таким образом, рассматривая повесть Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса» в аспекте «силовых линий» интертекста, мы можем констатировать, что сюжет произведения сформировался в результате сложной контаминации современных и укорененных в истории сюжетов, научных и научно-популярных источников, этнографических стереотипов. Однако почему тогда произведение не стало событием и не сохранилось в культурной памяти? Ответ отчасти представлен в уже цитируемой статье А. С. Суворина. Пересказывая *диковинный сюжет* произведения, критик задавался закономерным вопросом:

Теперь спрашивается: можно ли всё это принимать в том самом виде, как это написано автором, то есть за пустую болтовню, сумбур? Никто не поверит в наше время, чтобы человек очевидно неглупый, владеющий пером, одаренный наблюдательностью и талантом рассказчика, в продолжение нескольких лет и на многих страницах, тянул ради собственной потехи всё на один лад: «Жил-был у бабушки серенький козлик»²⁵.

Причиной литературной неудачи писателя стало тотальное неумение синтеза названных выше контекстов. Создателю «Граждан леса», одержимому в первую очередь полемическими задачами, не хватило ни дерзости М. Е. Салтыкова-Щедрина, парадоксально соединяющего эстетику барокко и Просвещения со злободневным реализмом, ни прагматики П.-Ж. Этцеля и Ж. Жанена, завоевавших внимание читателей фельетонами и иллюстрациями, ни усидчивости и внимательности этнографа или ученого-популяризатора – наподобие А. Брема. Именно поэтому, создав завязь одного из вариантов антиутопического сюжета, столь востребованного в веке XX-м²⁶, писатель не сумел согласовать форму и содержание. Интересно при этом то, что сам Ахшарумов в критических статьях охотно признавал просчеты своих современников. Так, в отзыве на роман Б. Ауэрбаха «На высоте», он писал:

Автор имел намерение изобразить нам <...> идею высшей цивилизации, утратившей чистоту народного духа и осужденной на смерть, если она не покается и не вернется к первобытному, неиспорченному источнику, который один может омыть ее грехи и вдохнуть в нее свежую силу <...> В цивилизации этой всё ложь и притворство <...> В сердце своем они дикари,

²⁴ Заключительные строки эпилога заставляют вспомнить еще один текст – авторизованный перевод «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло, выполненный Д. Л. Михайловским. В частности, об этом тождестве свидетельствуют и совокупность сюжетных функций героя (Лонгфелло контаминировал Библию и эпос Старого Света, например, Калевалу), и специфический пафос, заставляющий вспомнить хрестоматийный текст американского поэта.

²⁵ [Суворин А. С.] Библиография и журналистика. С. 1.

²⁶ А. Рейтблат, в частности, отметил, что «Граждане леса» предвосхищают идейный конфликт «Скотного двора» Д. Оруэлла [Рейтблат, 2020]. Говоря о предвосхищении, можно, вероятно, включить в этот перечень и «Остров доктора Моро» Г. Уэллса (написанный под влиянием Э. Бульвера-Литтона), и «Повелителя мух» У. Голдинга. Однако все отмеченные сюжетные совпадения по преимуществу носят случайный характер и объясняются существованием общего ресурса, к которому обратились эти писатели.

они стремятся к дикой свободе права естественного, а в отношении к обществу – воры <...> Там, где рассчитан грандиозный эффект, выходит комедия. Сам автор является нам поэтическим Гулливером, показывающим читателю на ладони лилипутского короля с королевою и их двор и ожидающего, что этот читатель будет настолько наивен, что, не заметив действительного размера вещей, преклонится перед их чисто фиктивным значением²⁷.

То, что Ахшарумов находил несовершенным как критик чужого произведения, оказалось неустрашимым и в его собственном творчестве. Энергия соперничества вылилась в эпигонское или неистово и неоправданно новаторское произведение, заставившее его современника с горечью написать: «Итак, тайна творчества г. Ахшарумова остается тайною...»²⁸.

Список литературы

- Ахшарумов Н. Д.* Литературная критика и эстетика. Череповец: Изд-во ЧГУ, 2019. 424 с.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
- Вдовин А. В.* «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // Новое литературное обозрение. 2016. Т. 146, № 5. С. 287–315.
- Володина Н. В., Сумарокова Л. А.* Н. Д. Ахшарумов о романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2015. № 4. С. 65–69.
- Даркевич В. П.* Народная культура Средневековья: пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв. М., 1992. 288 с.
- Зорин А. Л.* Улыбка Наташи Ростовской: «Война и мир» в интертекстуальной и биографической перспективе // Шаги (Steps). 2019. № 2. С. 86–109.
- Козлов А. Е.* От Лазаря до Петрашевцев: воображение Сибири в аллегорической повести Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса» // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. DOI 10.17223/24099554/15/13
- Лихачев Д. С.* «Небрежение словом» у Достоевского // Литература – реальность – литература. Л., 1984. С. 73–96.
- Мильчина В. А.* Вступление // Частная и общественная жизнь животных. М., 2015. С. 5–23.
- Михайлов А. Д.* Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса // Роман о Лисе / Пер. со старофр. А. Г. Наймана. М., 1987.
- Рейтблат А. И.* Классика, скандал, Булгарин... Статьи и материалы по социологии и истории русской литературы. М., 2020. 576 с.
- Русские утопии / Сост. В. Е. Багно. СПб., 1995. 350 с.
- Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков: Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Ковтун. М., 2014. 405 с.
- Русский травелог. Новосибирск: Немо Пресс, 2018. 832 с.
- Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование / Отв. ред. М. Вайсман, А. В. Вдовин, И. Клигер, К. А. Осповат. М.: НЛЮ, 2020. 568 с.

²⁷ *Ахшарумов Н.* На высоте // Всемирный труд. 1868. № 5. С. 108–109.

²⁸ [Суворин А. С.] Библиография и журналистика. С. 1.

Сибирь в контексте мировой культуры / Науч. ред. А. П. Казаркин. Томск, 2003. 216 с.

Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / Науч. ред. К. В. Анисимов. Красноярск, 2014. 226 с.

Созина Е. К. Индивидуальное и общее в судьбе и творчестве литератора-разночинца: размышления над прозой Ф. М. Решетникова // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 41–50.

Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

Шатин Ю. В. Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 11–15. DOI 10.17223/18137083/55/2

Философский век. Альманах. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. Вып. 12: Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. 321 с.

Martinsen D. A., Maiorova O. (eds.). *Dostoevsky in Context*. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2016. 329 p. DOI 10.1017/CBO9781139236867

Riasanovsky N. Foureierism in Russia: An Estimate of the Petrashevtsy // *American Slavic and East European Review*. 1953. No. 3. P. 289–302.

References

Akhsharumov N. D. *Literaturnaya kritika i estetika* [Literary criticism and aesthetics]. Cherepovets, ChSU, 2019, 424 p.

Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennansa* [Creative work of François Rabelais and popular culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, 1990, 543 p.

Darkevich V. P. *Narodnaya kul'tura Srednevekov'ya: Parodiya v literature i iskusstve 9–16 vv.* [Folk culture of the Middle Ages: parody in literature and art of the 9th–16th centuries]. Moscow, Nauka, 1992, 288 p.

Dostoevsky in Context. D. A. Martinsen, O. Maiorova (Eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 2016, 329 p. DOI: 10.1017/CBO9781139236867

Filosofskiy vek. Al'manakh [Philosophical age. Almanac]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy Tsentri istorii idey, 2000. Iss. 12: Rossiyskaya utopiya: Ot ideal'nogo gosudarstva k sovershennomu obshchestvu 12. Russian Utopianism: From an Ideal State to the Perfect Society]. 321 p.

Kozlov A. E. Ot Lazarya do Petrashevtsyev: voobrazhenie Sibiri v allegoricheskoy povesti N. D. Akhsharumova “Grazhdane lesa” [From Lazarus to the Petrashevtsy: Imagining Siberia in the Allegorical Novel Citizens of the Forest by Nikolai Akhsharumov]. *Imagology and Comparative Studies*. 2021, no. 15. DOI 10.17223/24099554/15/13

Likhachev D. S. “*Nebrezhenie slovom*” u *Dostoevskogo* [Literature – reality – literature]. Leningrad, Nauka, 1984, 256 p.

Mikhaylov A. D. Starofrantsuzskiy “Roman o Lise” i problemy srednevekovogo zhitovno ego eposa [Old French “The Novel of the Fox” and the problems of medieval animal epic]. In: *Roman o Lise* [The Novel of the Fox]. A. G. Nayman (Transl. from the Old French). Moscow, 1987.

Milchina V. A. Vstuplenie [Introduction]. In: *Chastnaya i obshchestvennaya zhizn' zivotnykh* [Private and public life of animals]. Moscow, 2015, pp. 5–23.

Reytblat A. I. *Klassika, skandal, Bulgarin... Stat'i i materialy po sotsiologii i istorii russkoy literatury* [Classics, scandal, Bulgarin ... Articles and materials on sociology and the history of Russian literature]. Moscow, 2020, 576 p.

Riasanovsky N. Foureierism in Russia: An Estimate of the Petrashevtsy. *American Slavic and East European Review*. 1953, no. 3, pp. 289–302.

Russkie utopii [Russian utopias]. Vs. Bagno (Comp.). St. Petersburg, 1995, 350 p.

Russkiy proekt ispravleniya mira i khudozhestvennoe tvorchestvo 19–20 vekov: Kollektivnaya monografiya [The Russian project of correcting the world and artistic creativity of the 19th–20th centuries: Collective monograph] N. V. Kovtun (Ed. in Ch.). Moscow, 2014, 405 p.

Russkiy travelog [Russian travelogue]. Novosibirsk, Nemo Press, 2018, 832 p.

Russkiy realizm 19 veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie [Russian realism of the 19th century. Society, knowledge, narration]. M. Vaysman, A. V. Vdovin, I. Klinger, K. A. Ospovat. (Eds.). Moscow, NLO, 568 p.

Shatin Yu. V. Puteshestvie Nekhlyudova v Sibir'. K probleme initsiatsii [Nekhlyudov's journey to Siberia: the problem of initiation]. *Siberian Journal of Philology*. 2016, no. 2, pp. 11–15. DOI 10.17223/18137083/55/2

Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury [Siberia in the context of world culture]. A. P. Kazarkin (Ed.). Tomsk, 2003, 216 p.

Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve [Siberian text in the national plot space]. K. V. Anisimov (Ed.). Krasnoyarsk, 2014, 226 p.

Sozina E. K. Individual'noe i obshchee v sud'be i tvorchestve literatora-raznochintsya: razmyshleniya nad prozoy F. M. Reshetnikova [The private and the public in the fate and work of the writer-raznochinets: reflections on the prose of F. M. Reshetnikov]. *Ural Historical Journal*. 2009, no. 1, pp. 41–50.

Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologeme of Siberia: to the question of the "Siberian text" of Russian literature]. *Siberian Journal of Philology*. 2002, no. 1, pp. 27–35.

Vdovin A. V. "Nevedomyi mir": russkaia i evropeiskaia estetika i problema reprezentatsii krest'ian v literature serediny 19 veka [Russian and European aesthetics and the problem of representation of peasants in the literature of the mid-nineteenth century]. *New Literary Observer*. 2016, vol. 146, no. 5, pp. 287–315.

Volodina N. V., Sumarokova L. A. Akhsharumov o romane F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [N. D. Akhsharumov on the novel "Crime and punishment" by F. M. Dostoevsky]. *Cherepovets State University Bulletin*. 2015, no. 4, pp. 65–69.

Zorin A. L. Ulybka Natashi Rostovoy: "Voyna i mir" v intertekstual'noy i biograficheskoy perspective [The smile of Natasha Rostova: "War and Peace" in intertextual and biographical perspective]. *Shagi (Steps)*. 2019, no. 2, pp. 86–109.

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук, научный сотрудник
Института филологии СО РАН, доцент Новосибирского государственного
педагогического университета (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-6578-2017

Information about the author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Russian literature, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Lecturer, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6578-2017

*Статья поступила в редакцию 01.08.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 15.09.2023
The article was submitted on 01.08.2023;
approved after reviewing on 15.09.2023; accepted for publication on 15.09.2023*